

СТАТЬИ В. КОРОЛЕВА С КОММЕНТАРИЯМИ Б. ИХЛОВА

В. А. Королёв, г. Конаково, к.ф.н., комментарии Б. Л. Ихлова, Пермь

1988 год. Выступаю на собрании общественности в пермском культурно-деловом центре, собралась университетская профессура. Говорю: "В учебниках написано, что рабочий класс - гегемон. А почему, собственно, гегемон?" Профессура, которая еще вчера одобряла и гневно осуждала, к 1988 году сообразила: можно! И на мои слова начала ядовито улыбаться, предвкушая, как сейчас я разгромлю тезис про гегемонию. А я начал рассказывать примерно то, что написано в двух фрагментах статьи Королева о диктатуре и Советах, про монотонный труд рабочего, что "все остальные угнетенные слои общества должны осознать интерес рабочего класса как собственный" (Маркс) и т.д. Надо было видеть, как улыбка сползала с профессорских лиц... Мне казалось, что поскольку Королев пишет о власти рабочих Советов, то мы с ним хлебаем из одной тарелки. Казалось бы, человек правильно понимает, что в СССР марксизм-ленинизм был изувечен до неузнаваемости. Увы, Королев развеял мои надежды. Я уже писал – в отношении госкаповцев Рюле и Клиффа - что местами верные позиции еще ничего не значат.

Читаем.

ИЛЬЕНКОВ И СОВЕТСКИЙ МАРКСИЗМ

Тезисы научного доклада на научную конференцию XX Международные «ИЛЬЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» Ильенков и Маркс 19-20 апреля 2018 г. г. Москва.

В докладе на X Ильенковских чтениях в 2008 году С. Н. Мареев высказал свою точку зрения в отношении истории советской философии, которую он выразил однозначно, что она не только не написана, «но её еще и не начинали всерьез писать» (5. стр. 82). Означает ли это, что в советский период не было развития философии? События, произошедшие в СССР в XX столетии, даже после их критического осмысливания, все же не позволяют дать формальный и однозначный ответ на этот вопрос. Почему?

Во-первых, на территории СССР философия именовалась как марксистско-ленинская, а в определенный исторический период именовалась даже и как марксистско-ленинско-сталинская философия. Более того, в силу нарастания кризиса в политической сфере современной российской действительности воззрение на философию в форме указанного триединства сегодня вновь реанимируется. Уже только одно это обстоятельство свидетельствовало тогда, и подтверждено современностью, что марксистско-ленинскую философию упорно пытались и до сих пор пытаются идеологи левого спектра в политической структуре общества подогнать под официальную идеологию, существовавшую в бытность СССР, которой обосновывалась существующая практика строительства социализма. При этом однозначно подразумевалось, что имевшая место быть практика строительства нового общества в целом соответствовала историческому и марксизму и ленинизму. И всё это вместе обозначалось, как творческое развитие основополагающих идей марксизма-ленинизма.

Во-вторых, в период формирования собственного идеологического обоснования существующей политико-экономической системы в СССР, существовало практически не осознаваемое, но реально функционирующее противоречие между двумя уровнями (точнее, между двумя сторонами) общественного мировоззрения. В основании одной лежала мощная методология научного познания действительности, воплощенная в логике такого фундаментального труда К. Маркса, как «Капитал», как впрочем, и в не менее значимых иных его трудах. В основании другой стороны общественного мировоззрения прочно покоились нередко ложно истолкованные и схематизированные партийными идеологами материалистическое понимание истории и материалистическая диалектика реального, т.е. исторического, марксизма, но уже под такими именами, как исторический материализм, диалектический материализм и политическая экономия социализма.

Нельзя сказать, что обе стороны (уровни) общественного мировоззрения не пересекались, соответственно, взаимно влияя друг на друга. Пересекались и влияли! Но огосударствленный марксизм-ленинизм упорно претворялся в жизнь посредством мощного партийного аппарата принуждения, чиновники которого, как в низовых звеньях, так и в верхних эшелонах политической власти, меньше всего понимали сущность реального, т.е. исторического марксизма-ленинизма. Реальный же марксизм-ленинизм точно просачивался в общественную психологию незначительными порциями благодаря непростым усилиям немногочисленных представителей действительно марксистско-ленинской философии.

Самыми яркими из них были и актуально остаются до настоящего времени в качестве связующих звеньев между прошлым и будущим марксизма-ленинизма. Это такие мыслители, как Г. Лукач, М.М. Лифшиц, Э.В. Ильенков и Л.С. Выготский. Последний подавляющим большинством исследователей его творчества почему-то воспринимается как представитель только психологической науки. Сами же представители психологической науки иногда забывают, что психология и есть наука о душе, всегда являвшейся предметом изучения философии. Не забывал об этом сочетании и Ильенков Э.В.

Именно в связи с последним замечанием можно утверждать, что творчество Э.В. Ильенкова и было развитием марксизма. В чем это развитие конкретно выразилось? В детализации самых существенных моментов процесса рождения и функционирования человеческой души (человеческой психики).

Именно потому, что Э.В. Ильенков детально разобрался в *механизме* рождения и функционирования человеческой психики (человеческой души), привело его к глубокому разочарованию существующей практикой социальных отношений в СССР и, тем более, во всём мире. Это разочарование можно выразить посредством интерпретации Ильенковым мышления (способа функционирования психики), которым до сих пор обладало, и еще долго будет обладать существо, под названием человек. Поскольку, согласно учению мониста Спинозы, мышление является атрибутом субстанции (всей Природы), то «представлять себе мышление вообще по образу и подобию наличного человеческого мышления – его «модуса», частного случая – значит как раз представлять себе его неверно, так сказать, «по модели» его отнюдь не самого совершенного (хотя и самого совершенного из известных нам) образа». (1. стр. 44).

Но это разочарование не было разочарованием человека, который застрял, якобы, в создаваемых им утопиях и иллюзиях по поводу человеческого идеала. Ильенковым (как и Марксом) сам идеал выводился из логики развития реальной действительности, и он видел его контуры, как никто другой из его современников. Ильенков эти контуры по настоящему начал осознавать через призму своей практической научно-педагогической деятельности, поэтому для него человеческий идеал не мог быть плодом его фантазии, оторванной от действительности, от жизни. Разочарование происходящим в СССР и в целом в мире было совершенно по другим причинам. Оно связано с проблемами функционирования института частной собственности в СССР, которую партийные идеологи характеризовали несвойственными для неё эпитетами. Надо сказать, что теоретические предпосылки для существования указанной проблемы все же были, и своими корнями они уходили в марксистско-ленинскую политическую экономию и в двойственную парадигму реальных исторических процессов.

Так, Ф. Энгельс при составлении проекта программы Союза коммунистов в форме катехизиса (в виде вопросов и ответов), на 19-й вопрос: может ли социалистическая революция произойти в одной какой-нибудь отдельно взятой стране, Энгельс с самого сначала однозначно ответил, что «нет» (9, стр. 334). Далее он обосновывал это утверждение, но оставим его аргументы в стороне, которые были вполне логичные и достаточно весомые для того исторического периода, когда они приводились. Но поскольку дальнейшая практика ряда социальных революций существенно подкорректировала это утверждение, то через реальные события конца XIX начала XX веков и следует осмысливать однозначно высказанное Энгельсом суждение, точнее утверждение.

Основываясь на реальных событиях социалистической революции в России и непосредственно являясь их главным архитектором и прорабом одновременно, Ленин писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». (4, с. 354) Пожалуй, тогда только один Ленин ясно осознавал, что социалистическая революция не сводится только к захвату политической власти вооруженным путем. После кровавых баталий за политическую власть должен идти длительный и сложный процесс постоянных переходов некоторого количества фактов и событий в их новое качество.

В связи с этим Ленин в главном своём политическом труде «Государство и революция» неоднократно акцентировал внимание читателя на том, что нет и не может быть заранее проложенной колеи движения из царства слепой необходимости в царство подлинной свободы. «Какими этапами, - писал Ленин, - путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем». (8, с. 99) Кто-то ставит в вину Ленину активное содействие им пришествию, якобы, преждевременной социалистической революции в Россию, а кто-то придерживается принципа не применения к истории сослагательного наклонения, доказывая неизбежность наступления социалистической революции именно в России, как самом слабом звене в цепи существующей в XIX веке мировой капиталистической системы.

Солидаризируясь с позицией Ленина в главном, могу обозначить свое субъективное отношение к революции вообще и к социалистической революции 1917 года в России, в частности. Если не вызрело, то никакая личность не в силах подвинуть массы на слом общественных отношений, которые хотя и начинают тормозить ход истории, но еще не исчерпали всех возможных способов для удерживания себя на собственном экономическом, и, соответственно, политическом, фундаменте. Но если экономические и политические противоречия в обществе переступили критическую черту и массы вызрели, чтобы переступить эту черту, то стоит громадных волевых и интеллектуальных усилий бунт масс превратить в организованные революционные действия.

Хотелось бы только добавить, что работа «Государство и революция» Лениным была написана в 1917 году, т.е. еще до октябрьских событий, и уже в ходе гражданской войны и первых шагах по преобразованию общественных отношений Ленин четко определил основные практические шаги, которые позволили бы успешно начать переустройство общественных отношений. Я имею в виду те три задачи, которые неизбежно должно было решать новое общество, хотя до сих пор они так и не были воплощены в той мере, в какой полностью исключили бы всякие попытки реставрации буржуазных отношений в России и в СССР в целом.

И все же, почему стало возможным совершить реставрацию капиталистических отношений в СССР? Остриём здесь может оказаться проблема соотношения таких категорий, как возможность и действительность применительно к практике социалистического преобразования общества на территории СССР. Категория возможность имеет практическую значимость, когда в поле зрения самого активного субъекта истории (в данном случае надо иметь в виду пролетариат) обнаружены и осознаны все существенные элементы, благодаря которым

возможность преобразуется в действительность. Возможность их выявления и осознания только потому и становится реальной, что эти элементы уже существовали в обществе объективно, как реально функционирующие фактические обстоятельства. Что это за обстоятельства?

Анализ этих фактических обстоятельств в существенных моментах подверг Э.В. Ильенков в своём докладе «Маркс и западный мир». Сопоставляя отношение раннего Маркса и Энгельса к частной собственности, «которая сливалась тогда и в их глазах с принципом полной и безоговорочной «свободы личной инициативы»» (2. с. 159), со зрелым Марксом, который твердо встал на позиции отрицания частной собственности, Э.В. Ильенков сделал упор на то, что Россия к началу XX века еще не доросла до частной собственности, чтобы она могла её полноценно отрицать. Другими словами возможность еще не содержала в себе все необходимые элементы, чтобы потом преобразоваться в действительность посредством революционного переустройства Советского общества. И сегодня нередко можно встретить кивки в сторону рассуждения Маркса о пагубности коммунистического преобразования общества при недостаточном развитии частной собственности. «Всякая частная собственность как таковая ощущает – по крайней мере, по отношению к более богатой частной собственности – зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависимости и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него – *определенная ограниченная мера*. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной [IV] простоте бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее». (8 с. 114-115). Без всякого сомнения, при сопоставлении выше приведенного высказывания Маркса с реальными историческими событиями, связанных с практикой социалистического преобразования общественных отношений в пределах СССР и сфер его влияния на мировой арене, неизбежно требуется если не расширенный анализ самой сущности частной собственности, то хотя бы её всеобщее-абстрактное определение. Ведь именно указанная практика стала предметом острых дискуссий и нешуточных баталий по поводу степени эффективности и общественной значимости указанных преобразований.

Полагаю, что в данном случае можно ограничиться определением сущности частной собственности, которое дали Маркс и Энгельс в своем первом совместном значимом труде, под названием «Немецкая идеология».

«...разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности». (7, с. 31)

Нет необходимости лишней раз раскрывать суть того, что Маркс и Энгельс подразумевали под разделением труда. Они всегда говорили о разделении труда на две его стороны – умственный и физический. Но ведь труд – это деятельность по преобразованию предметов природы в предметы культуры. Если эти две стороны в деятельности разрывались (отдельно на умственную, и отдельно на физическую), то разрывался на части и сам преобразователь, формируясь в той или иной мере как частичная (частная), ограниченная собственная персона, перестающая себе принадлежать как нечто целое.

Таким образом, главный вопрос, который должна решать любая социалистическая революция – это устранение противоречия между умственным и физическим трудом, но никак не производство товаров и бесперебойное их доставление населению. С этим, как показала практика, блестяще справляется капиталистическая система хозяйствования. Решался ли вопрос по разрешению противоречия между умственным и физическим трудом в бытность СССР и как он должен был решаться? Можно сказать, что решался и не решался. Во всяком случае, процесс разрешения противоречия между умственным и физическим трудом был спонтанным и мало кем-либо осознаваемым, если вообще он хоть как-то осознавался в серьезных теоретических исследованиях.

Как проявлялось разрешение противоречия в СССР, пусть даже и неосознанно? Прежде всего, посредством создания универсального по количеству набора предметного содержания школьных и вузовских программ в системе образования. При этом качество, т.е. методики преподавания каждого предмета в образовательных программах, по своей сути оставались буржуазными. Таковыми они остаются и сегодня, только в еще более худших вариантах. Во-вторых, концентрация всех производственных мощностей и технологических процессов в руках государства была достаточно высокой. Но при этом само государство из рук пролетариата было выпущено в свободное плавание. Как было выпущено из рук пролетариата и управление производством.

А что должен был знать пролетариат, чтобы сознательно управлять и производством и государством? Прежде всего, он должен был жестко контролировать планомерный процесс самоуничтожения себя как класс, и эту контрольную функцию никому не отдавать. И поскольку у Советского общества должны были быть диаметрально противоположные цели в сравнении с целями буржуазного общества, то *ничего* (пусть читатели извинят меня за очень мягкое выражение) было устраивать догонялки с Западным миром, миром, в котором на первом месте неизбежно могло быть неумное потребление произведенных материальных благ. Соответственно, в буржуазном обществе было и неумное накопительство всеобщей формы частной собственности, т.е. денег. Что значит осуществлять процесс самоуничтожения себя как класс? Это означает только одно, планомерная и неукоснительная передача силам природы самого процесса воспроизводства жизненных средств труда, проще говоря, создание роботов роботами. Не стало бы пролетариата, и как дым испарились бы и их эксплуататоры.

Но вот что является парадоксальным, так это то, что передача силам природы процесса воспроизводства жизненных средств труда, в значительной степени происходила не в СССР, а в экономических границах развитых буржуазных стран западного мира. Что касается деятельности партийного руководства Советского государства, то оно, скорее всего, интуитивно чувствовало, что ускорение этого процесса в производственной сфере, в конце концов, слишком очевидным образом сделает их пятым колесом исторического развития Советского общества. Кстати, осуществить подобную политику и сегодня не поздно, и чем глубже кризис в обществе, тем очевиднее будут проявляться контуры будущей технологии, уничтожающей монотонный физический труд, т.е. собственное основание, фундамент, частной собственности.

Остается только понять, почему Западный мир внедряет в производство технологии, которыми они рубят тот самый сук, на котором, собственно говоря, мир частной собственности зиждется? На это его толкает не только вездесущая в нём конкуренция (борьба частных интересов, проще говоря), но и обязательное ориентирование на прибыль.

Почему-то в обыденных суждениях принято Марксу приписывать высказывание, что для капитала при «300 процентах прибыли нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». (6, с. 770). В действительности, Маркс привел это (но более полное) высказывание, ссылаясь на работу британского деятеля профсоюзного движения Томаса Джозефа Даннинга «Профсоюзные союзы и забастовки: их философия и намерение», опубликованной в 1860 году в Лондонском журнале «Ежеквартальный обзор». Маркс мог бы усилить это высказывание легко доказуемым даже в его время утверждением, что капитал из-за прибыли пойдет на преступление даже против самого себя, т.е. против условий своего собственного существования, как класса, внедряя на производстве всё более совершенные жизненные средства труда. Но такое «преступление» в отношении самого себя история капиталу простит, а вот преступление партийной верхушки КПСС, которая всячески тормозила процесс уничтожения субъективного фактора на производстве, чтобы окончательно снять на производстве управление людьми, история уже не простила.

Может возникнуть вопрос, а при чём, в данном случае Ильенков и его исследования в области формирования человеческой психики? Так если выводы Ильенкова справедливы и абсолютно верны в той части, что все человеческие способности формируются прижизненно, т.е. в процессе непосредственного общения индивидов между собой, то именно по этому-то живому процессу и был нынешней властью нанесен тяжелейший удар. Можно сколько угодно оспаривать специфические достоинства людей и общества, которые сформировались на территории России и даже в странах СНГ в бытность СССР, но есть один объективный критерий, который отражает высочайший уровень культуры русского народа. Этим критерием может служить грамматическая и логическая структура русского языка, которая и отражает гибкость мышления, возвышенность чувств и высочайший гуманизм носителей этого языка. И как бы сознательно сегодня его не коверкали, не привносили несвойственные для него идиоматические выражения, сердцевину русского языка вряд ли удастся безвозвратно уничтожить.

Высказанное выше суждение о русском языке может быть одним из весомых аргументов в пользу того, что Россия не так уж и случайно оказалась на рубеже XX века единственным центром революционных событий, благодаря которым в известной мере были реализованы цели по социалистическому переустройству общественных отношений.

Мне не понаслышке известно, какие препоны ставятся властью в области научных исследований русского языка в его историческом развитии. И эти препятствия совершенно не случайны. Сам Ильенков настолько виртуозно владел всеми достоинствами русского языка, что вполне можно сказать, что этой реализованной в его трудах способностью он внес уникальный, и пока еще никем неповторимый, вклад в развитии человеческой способности наилучшим образом выражать мышление посредством речи, через речь. И именно эта способность может быть положена кирпичиком в основание дальнейшего развития человеческого мышления.

А пока можно только с некоторой долей скепсиса сказать, что, к сожалению, марксистско-ленинская философия в СССР не стала руководством к действию, она попросту не была положена в основание именно *осознанного* переустройства общества на гуманистических началах. И мир по-прежнему продолжает развиваться, и, по всей видимости, еще долго будет развиваться в тесных рамках слепой необходимости, в чем марксистско-ленинская философия абсолютно неповинна. Но в то же самое время нет ничего парадоксального в том, что именно Советская действительность с её противоречиями, а никакая иная культура в XX веке, могла совершенно не случайно породить такого глубокого мыслителя и философа, как Э. В. Ильенков.

КОММЕНТАРИЙ

К списку марксистов, Лившица и др., стоит добавить ученика Ильенкова Батищева, далее Кессиди, отчасти - Мамардашвили и Библера. И уж, разумеется, нашего брата: Э. Никишину и др.

Что до ссылки на статью Ленина "О лозунге Соединенных Штатов Европы", сталиноиды выпускают алючевое слово "первоначально". Вообще Ленин тут ошибся: США есть объективная тенденция капитала к централизации.

Всё замечательно, но:

"Что значит осуществлять процесс самоуничтожения себя как класс? Это означает только одно, планомерная и

неукоснительная передача силам природы самого процесса воспроизводства жизненных средств труда, проще говоря, создание роботов роботами. Не стало бы пролетариата, и как дым испарились бы и их эксплуататоры. Но вот что является парадоксальным, так это то, что передача силам природы процесса воспроизводства жизненных средств труда, в значительной степени происходила не в СССР, а в экономических границах развитых буржуазных стран западного мира. Что касается деятельности партийного руководства Советского государства, то оно, скорее всего, интуитивно чувствовало, что ускорение этого процесса в производственной сфере, в конце концов, слишком очевидным образом сделает их пятым колесом исторического развития Советского общества".

Разумеется, в отсталой, аграрной стране не могли идти речи об уничтожении рабочего класса. ему предстояло еще расти в численности. Потому Ленин и ждал мировую революцию, чтоб развитый пролетариат помог отмирать отсталому пролетариату российскому. Потому элита КПСС не могла чувствовать, что скоро станет пятым колесом.

Во-вторых, "передача силам природы" шла и идет и без роботизации, во всех странах постоянно снижается доля живого труда на единицу раб. силы.

Скажем, в 80-е доля грубого ручного труда в Японии составляла 3%, тогда как в СССР - 50%. Так что не могла ничего чувствовать элита КПСС.

При этом: невзирая на роботизацию и компьютеризацию, растут:

- сфера обслуживания, торгаши и пр.
- спекулятивный сектор,
- армия кнопочных рабочих,
- число компьютерщиков, которые заточены на деньги, капризны и дебилы, и т.д.
- армия рабочего класса - в Азии и Африке, в 1-ю очередь. в Китае.

Это реальность.

В-третьих, что явно не хотят видеть господа иноземцевы, правящий класс буржуа, как и элита КПСС, вовсе не заинтересован стать пятым колесом. Потому он всемерно тормозит прогресс, это отмечал еще Ленин. С другой стороны. конкуренция, как Вы и пишете, толкает буржуазию к прогрессу, И: в этом еще одна сторона капиталистического способа производства.

Тем не менее, как показывает Россия, как показывают события в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии - капитал действительно идет на любые преступления, хотя не за 300% прибыли, а за гораздо больший процент.

Далее.

"... есть один объективный критерий, который отражает высочайший уровень культуры русского народа. Этим критерием может служить грамматическая и логическая структура русского языка, которая и отражает гибкость мышления, возвышенность чувств и высочайший гуманизм носителей этого языка. И как бы сознательно сегодня его не коверкали, не привносили несвойственные для него идиоматические выражения, сердцевину русского языка вряд ли удастся безвозвратно уничтожить".

Вы это серьезно? Стало быть, английский, французский, китайский, японский, испанский, , хинди, немецкий языки - хуже? Все прочие народы - страдают отсутствием гуманизма?

О какой сердцевине можно говорить, когда треть школьников не посещает школу, многие не умеют ни читать, ни писать. Все экзаменаторы отмечают обескураживающую безграмотность абитуриентов. Русский язык под корень истребляется и в искусстве, и в интернете, и в сфере образования.

Но еще ДО истребления. О каком гуманизме можно говорить, когда ВСЁ население пронизано буржуазными общественными отношениями. Человек человеку - либо бревно, либо волк. Брат у брата отнимает по суду земельный участок, спортсмены избивают стариков и калек, сын, дочь убивают отцов из-за квартиры, школьники избивают учителей.

В металлургическом цехе увольняют 100 чел. из 600. И ни одна сволочь не вступилась! Даже тогда, когда мы призвали в листовках. А потом - естественно! - уволили и тех, кто молчал.

Русский народ страдает полнейшим отсутствием логики, равном кретинизму, верит в барабашек, в сглаз и порчу, в структурированную воду, в пятое измерение, в инопланетян, в компьютерно-лазерную диагностику и т.п. Русский народ - несмотря на полнейшее отсутствие результата - ходит голосовать за ЕР, КПРФ, ЛПДР, СР, да еще за грязного буржуа Грудина.

Причем всё это не только в рабочем классе, который я видел и вижу непосредственно, но и в русской гуманитарной интеллигенции, продажной и тупой.

Наконец, вот это что за чепуха: «Но если экономические и политические противоречия в обществе переступили критическую черту и массы вызрели, чтобы переступить эту черту, то стоит громадных волевых и интеллектуальных усилий бунт масс превратить в организованные революционные действия». Это словоблудие – Королев не отвечает на вопрос, была ли революция 1917 года социалистической!

Что касается самого Ильенкова.

Есть у него любопытное рассуждение, я писал об этом - поскольку каждая из естественных наук отражает часть логики природы, каждый естественник - стихийный диалектик.

А ранее в СССР нас учили, что западные ученые хоть и верующие, но стихийные материалисты.

А что нужно, чтобы слова "стихийные" не было? А чтобы они были еще и диалектиками. Таким образом, по Ильенкову, западные ученые не стихийные, а диалектические материалисты...

Увы, практика по всему миру доказывает, что рассуждение Ильенкова неверно. И западные. и российские ученые продажны, заточены и дебилы, ибо пронизаны буржуазными общественными отношениями.

И второе: увы, Ильенков, без всякого сомнения, великий марксист, но впадает в идеализм в самом главном пункте: что делать? И тут вместо классовой борьбы, вместо революции, вместо развития производительных сил, классовой борьбы он предлагает налечь на воспитание коммунистического человека в семье ("Философия и культура").

22.6.2019

ТРУД, КАК ВСЕОБЩЕЕ ОСНОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Все центристские, лево-центристские и левые партии собираются восстанавливать разрушенную ельциноидами экономику. Но её не надо восстанавливать. Её надо планомерно снимать (уничтожать). И потом, неужели Вы не увидели труд, как всеобщее основание развития? Раньше считалось, что только у станка человек занимается трудом, а не нет.

Данные тезисы доклада опубликованы в сборнике Материалов XXVIII Международной научной конференции «Ильенковские чтения», проходившие в Белгороде 28-29 апреля 2016 года.

Нет никаких сомнений, что у большинства людей на слуху одно из самых значимых для науки утверждений, которое было высказано Ф.Энгельсом — «труд создал самого человека». [Энгельс Ф. 1961. с 486] Нет, не Энгельс автор этого открытия, но именно он сформулировал его, как записано выше. И он же является одним из немногих мыслителей, которые понимали всю глубину и значение данного общезначимого утверждения. Овладение истинным содержанием понятия труд позволяет реально видеть в действительности все те условия, благодаря которым с железной необходимостью возникает, существует и может до бесконечности развиваться человек. Вполне допускаю, что подавляющее большинство представителей науки в области человекознания вправе заявить, что роль труда в возникновении и развитии человека настолько очевидна, что вряд ли стоит в очередной раз рассматривать её как проблему. Что касается людей не науки, то так уж им важно понимать сущность указанного факта, если вне труда возникновение и существование человека в принципе невозможно, в том числе и вне зависимости от того, понимает ли это обстоятельство основная масса людей или нет?

Тем не менее, проблема неизбежно проявляется, как только люди реально начинают выстраивать отношения между собой при осуществлении различных форм человеческой деятельности, в том числе и трудовой. И сущность проблемы сводится не к тому, что бытуют разночтения в понимании самой сущности труда, а в том, что сам труд проявляется в обществе как противоречие, т.е. как реальная проблема.

Если труд создал человека, то он повинен и в формировании у него рациональных форм мышления, которые обременены наличием в нём идеального. Чтобы была очевидна логика зарождения рациональных форм мышления и идеального в нём, достаточно, на мой взгляд, указать на всеобщую-конкретную схему деятельности, которая лежит в основании всякого труда. Эта схема деятельности и есть не что иное, как процесс преобразования предмета природы в предмет культуры, и помещение созданного предмета культуры (как минимум) между двумя людьми в процессе взаимодействия их друг с другом.

Что изначально эта деятельность привносит в естественную природу того существа, которое стало на путь очеловечения? Эта деятельность способствует не только возникновению предметов культуры, но и заставляет естественно-природное существо (называйте его, как хотите) постепенно подчинять свое поведение логике бытия самих предметов культуры. Можно сказать несколько иначе. Если биологически неспециализированное развитое существо для удовлетворения своих естественно-природных потребностей (есть, пить, поддерживать постоянную температуру тела и т.д.) начинает создавать предметы культуры (ложку, чашку, разведенный им костер, одежду из шкур животных и т.д.), то он, тем самым, начинает удовлетворять свои естественно-природные потребности не естественно-природным способом, а культурным. Но именно в этих действиях по преобразованию предметов природы в предметы культуры и происходит познание естественно-природных свойств предметов.

Чем больше человек создает предметы культуры, и чем они разнообразнее, тем сложнее становятся формы взаимодействия между людьми, следовательно, тем сложнее регламентация способов взаимоотношений и

взаимодействия между людьми по поводу предметов культуры. Постепенно сама регламентация поведения все больше приобретает самостоятельные формы бытия, которым человек вынужден подчиняться. Ведь человек с определенного периода истории не только начинает производить предметы культуры и непосредственно потреблять их, но у него возникает необходимость распределять и обменивать их между собой. А распределение и обмен предметов культуры предполагают учитывание иных качеств и свойств в человеке, чем просто его естественно-природные физические параметры. Люди вынуждены от указанных параметров просто отвлекаться, имея в виду только те способности и качества, которые приобретены ими в социальной среде. А это уже идеальные формы отражения всеобщих законов бытия не просто биологических существ, а существ, наделенных определенными социальными статусами, мало что общего имеющими с их биологической и даже физической природой. Проще говоря, изначально человек не рождается ни как воин, политик, торговец, кузнец, пахарь, шахтер и т.д., а просто как естественно-природное биологическое тело.

Если мышление и есть способность мыслящего тела строить свои движения по форме и логике другого тела, включая сюда и само мыслящее тело, то речь может идти только о тех телах (предметах), которые становятся предметом трудовой деятельности человека. «...Человек (мыслящее тело) движется не по готовым, извне, природой заданным формам и контурам, а активно творит новые формы, самой природе не свойственные, и движется вдоль них, преодолевая «сопротивление» внешнего мира, готовых, заданных форм, отрицая их». (Ильенков Э.В. 1964, с. 33). По контурам существующих тел движутся животные, но они не меняют эти контуры и формы внешних тел. Суть человеческой деятельности – в творении новых, не естественно-природных форм, предметов. Деятельностью, порождаемой новыми формами предметов и логикой их бытия, и определяются не естественно-природные формы отношений между людьми. Такие формы отношений между людьми называются уже социальными.

Так как же быть со всеми теми людьми, которые не подпадают под формальное определение деятельности, называемой трудовой, т.е. со всеми теми, кто не преобразовывает предметы природы в предметы культуры? Они-то все равно становятся людьми.

Казалось бы, что в данном аспекте нет слишком сложной загадки, которую трудно было бы разгадать. Достаточно понять очевидную истину, что при появлении на свет, индивид рождается не как человек, а как просто биологическое тело. И, поскольку новорожденное тело с самого начала начинают вводить в предметный мир культуры, подсовывая ему соску, тем самым культурным образом прерывая естественные потребности в еде, ложку, чашку и т.п., то в данных случаях и происходит преобразование естественно-природного предмета (биологического тела) природы в предмет культуры (мыслящее тело). Воспитателями, проводниками, советчиками, как пользоваться предметами культуры, для младенца становятся все окружающие его люди. Вот и весь секрет, как предмет природы для преобразования в предмет культуры появляется в жизни почти у каждого. И он самый сложный из всех существующих предметов в отношении которого осуществляется трудовая деятельность. Однако за эту форму деятельности берется каждый, мало что в ней смысла.

Но суть проблемы не в том, что мало кто знает сущность каждого предмета культуры, пользоваться которым научают малыша, и научают все, кому не лень. Проблем в том, что сущность (функция) предмета культуры единственная и неповторимая для каждого вида предмета культуры, а возможные варианты выхода за пределы его сущности могут быть разнообразны. Хирургическим скальпелем можно подарить жизнь, а можно и отнять, стихами можно возвысить, а можно и унижить, топором можно строить, а можно и ломать и т.д. Опять же, убить скальпелем можно во имя жизни и справедливости, так же как можно спасти при помощи его жизнь, чтобы спасенный продолжал творить зло. Можно промолчать и это молчание будет золотом, а можно сказать что-то лишнее, и это может стать для кого-то трагедией. Но сами неживые предметы культуры не убивают и не спасают. Это делают те, в руках которых они находятся. Возникает вопрос, почему и кому выгодно одного затачивать на убийство, другого для жизни?

Из сказанного должно стать ясно, что недостаточно вложить в руки человека те или иные предметы культуры, и даже недостаточно научить правильно ими манипулировать, гораздо важнее научить каждый раз преломлять способ действия по форме и логике этих предметов культуры через призму тех отношений, внутри которых требуемая форма деятельности порождается. А они (эти отношения), чаще всего, скрыты от непосредственного взора каждого человека.

Вот и получается, что без всякой натяжки каждого человека можно причислить к существам, которые актуально тем или иным способом осуществляют предметно-преобразующую деятельность (труд). В этой самой деятельности каждый, так или иначе, принимает индивидуально или коллективно участие в превращении предмета природы в предмет культуры. Разве каждый, так или иначе, не участвует в таком процессе, как превращение передних конечностей младенца в умелые руки? Разве уши и глаза благодаря окультуриванию не превращают из просто органов восприятия и созерцания, в органы теоретиков, которые становятся способными во внешних предметах, как и в самом себе, различать общее, единичное и особенное?

Следовательно, проблемы в становлении человека не возникают из-за того, что некоторые люди, якобы, отрешены от такой деятельности, как труд. Как уже было сказано, практически никто от него не отрешен хотя бы уже потому, что всеобще-конкретным предметом труда для каждого является, как другой человек, так и сам

индивид, осуществляющий по отношению к другим и к себе деятельность по окультуриванию. А попадется в чьей-то жизни молоток и камень для превращения последнего в скульптуру или стол, это уже действительно дело случая. Вопрос только в том, при каких условиях осуществляется каждым предметно-преобразующая деятельность с всеобще-конкретным предметом труда (естественно-природным биологическим телом)? Указанные проблемы возникают только тогда и только там, когда и где индивид отрешен от всей человеческой культуры, всей человеческой истории, от логики её развития. Они неизбежно возникают, когда люди пытаются руководствоваться и представлять себя в обществе только тем скудным набором навыков и способностей, которые им привили в ограниченной среде его жизнедеятельности. Проще говоря, какие функции выполняет каждый человек в существующей системе капиталистического разделения труда. На чем он специализируется, тем он и представлен для других, как впрочем, и для самого себя.

Нетрудно себе представить, как должна быть преобразована вся социальная среда, чтобы в ней каждый имел возможность осуществлять творческую деятельность, а не быть винтиком, благодаря которому воспроизводится существующая структура общества, основанная на отчуждении человека от своей сущности.

Но то, что в развитии общества возможна только одна перспектива – это стать человечеству единым субъектом истории, оспаривается многими, и эта возможность рассматривается многими исключительно как утопия. Но утопией являются все те потуги в системе образования и очеловечения каждого индивида вне осмысления всеобщих законов становления человека через труд и только через труд. По сути, в труде должен воспроизводиться сам человек, и человек должен стать единственной и всеобщей целью трудовой деятельности. Всё остальное должно стать лишь средством воспроизводства человеческих форм жизнедеятельности для человека. «Всеобщее заключает, воплощает в себе все богатство частных не как «идея», а как вполне реальное особенное явление, имеющее тенденцию стать всеобщим и развивающее «из себя» — силою своих внутренних противоречий – другие столь же реальные явления, другие особенные формы действительного движения».[Ильенков. 1984. с. 284].

КОММЕНТАРИЙ

1) Экономике собираются восстанавливать не только левые или центристы, но и правые. Пока они болтают ногами в воздухе, т.к. в РФ еще нет национальной буржуазии, она всё еще компрадорская. Автор хочет доконать то, что осталось, чтобы смертность была не вдвое выше, чем при Горбачеве, а вдесятеро?

Или Вы, как анархист, сталинист или троцкист, думаете, что к коммунизму можно перейти при ЛЮБОМ уровне развития производительных сил?

Во-вторых, с чего автор взял, что ранее считалось, что только человек у станка занят трудом?? Мало того, что Маркс многожды писал об общественно необходимом труде интеллигента, так в СССР платили зарплату и поэтам, и художникам, и композиторам, да еще как платили, больше, чем рабочим. Т.е. оценивали стоимость их общественно необходимого труда. И Маркс подчеркивает, что духовные ценности тоже имеют стоимость. Откуда Вы это выкопали? Если речь идет о концепции Кронрода, который считал, что прибавочная стоимость образуется только в труде рабочего, эта концепция сводится к физиократии и была нами разгромлена еще в середине 90-х.

2) Читаем:

"... как же быть со всеми теми людьми, которые не подпадают под формальное определение деятельности, называемой трудовой, т.е. со всеми теми, кто не преобразовывает предметы природы в предметы культуры? Они-то все равно становятся людьми".

То есть. Во-первых, такие люди есть в природе и они называются: новорожденные, школьники, студенты, беременные, сумасшедшие, клерикалы, наконец безработные.

Но тут же, во-вторых, автор отказывает им в существовании:

"Вот и получается, что без всякой натяжки каждого человека можно причислить к существам, которые актуально тем или иным способом осуществляют предметно-преобразующую деятельность (труд)".

Или автор считает, что люди творческие не участвуют в общественно необходимом труде?

Нет, конечно, есть такое течение в анархизме, напр., Боб Блэк, так он считает, что нужно ликвидировать вообще труд. Тогда освободишься.

3) Далее.

"Не трудно себе представить, как должна быть преобразована вся социальная среда, чтобы в ней каждый имел возможность осуществлять творческую деятельность, а не быть винтиком, благодаря которому воспроизводится существующая структура общества, основанная на отчуждении человека от своей сущности..."

По сути, в труде должен воспроизводиться сам человек, и человек должен стать единственной и всеобщей целью трудовой деятельности. Всё остальное должно стать лишь средством воспроизводства человеческих форм жизнедеятельности для человека".

Если нетрудно представить - нарисуйте, пожалуйста, это общество будущего!

Маркс писал, что в ком. обществе продолжительность общественно-необходимого труда должна составить исчезающую величину. А все остальное время - гармонически развиваться. прыгать до потолка и т.д. Как я понял - Вы не согласны, и я - тоже. Но это в скобках.

Как я понял, для автора общество будущего - с разрушенной (снятой) до праха экономикой? А кушать-то что, нектаром питаться? И космос не надо осваивать? Или всё роботы будут делать? А кто будет делать роботов? Особые роботы. А особых роботов кто будет делать?

Во-вторых, Маркс писал о том же самом гораздо яснее: человек отчужден от своей сущности в силу старого общественного разделения труда, необходимо снять противоречие между умственным и физическим трудом. Тогда начнется история человечества, человек не будет жить, чтобы есть, а есть, чтобы жить.

И этот момент я многократно подчеркивал всем, кто считал, что в СССР - социализм.

О том же самом писали даже либеральный философ Глинчикова, безграмотная жена Бугалина Людья Булавка, и даже дурак Иноземцев тужился. Но вся эта троица всеми силами в данном моменте старается отмежевать читателя от революции.

И писал Маркс не об уничтожении экономики, а об уничтожении классов. Т.е. не только буржуазии, но рабочего класса, т.е. рабочего труда. И это я тоже многократно всем сталиноидам указывал.

Так вот, о людях, физическим трудом не занятых, которые всё равно становятся людьми. Когда речь идет о преобразовании физического труда, интеллигенция забывает, что и труд интеллигента тоже будет преобразован. Ибо, как говорил Ленин, практика выше теории, никакими особыми роботами, 3D-принтерами и т.п. не отделаешься.

Впрочем, это общее заблуждение многих – будто до коммунизма можно добраться с помощью автоматизации, роботизации, но без революций.

22.6.2019

ПОЧЕМУ ТОЛЬКО ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И СОВЕТЫ!?

Для обоснования утверждения, что будущее возможно только посредством установления диктатуры пролетариата (диктатуры рабочих), достаточно отослать читателя к первому совместному политическому программному документу К. Маркса и Ф. Энгельса под названием «Манифест коммунистической партии». Однако не лишним будет обратить внимание читателя на оценку Манифеста, которую дал В. И. Ленин, что «эта небольшая книжечка стоит целых томов». И эта оговорка сделана им совершенно не случайно. Чтобы понять смысл всех положений, изложенных в этой маленькой книжечке, надо либо уже владеть логикой исторического развития общества, либо проштудировать все те тома книг, благодаря которым раскроется истинное содержание и смысл первого Манифеста (программного документа) Коммунистической партии...

Нередко можно услышать или прочитать замечания по поводу теоретических положений программного документа, что он был составлен с учетом условий того времени, которые сегодня претерпели существенные изменения. Поэтому было бы оправданным сделать анализ программного документа, написанного более чем 170 лет назад, через призму современных реалий. И начнем его анализ с конца текста Манифеста.

Итоговое утверждение программы гласит, что пролетариям нечего терять в Коммунистической Революции, кроме своих цепей, и в результате указанной революции они приобретут весь мир. Я не склонен полагать, что Маркс не мог тогда предвидеть все те метаморфозы, которые в будущем произойдут в качественных характеристиках пролетариата. Предвидел! Иначе он не стал бы уже тогда утверждать, что призрак коммунизма бродит по Европе.

В период раннего творчества Маркса коммунизм был настолько неочевидной перспективой будущего, что только Маркс и совсем немногочисленные его единомышленники могли в реальных единичных фактах разглядеть зачатки коммунизма, как пробивающейся необходимости. Ведь о необходимости можно говорить только тогда, когда в самой действительности уже существует в наличии весь набор факторов для превращения необходимости в реальную действительность. Речь ни в коем случае не идет о принятии в качестве факторов существовавшие до Манифеста утопические учения о «городах Солнца», и даже не могли таковыми быть реальные попытки обустроить социальное бытие по предполагаемым лекалам идеального общества (социальные проекты Р. Оуэна). Все эти учения и социальные проекты в виде различного рода коммун, сами по себе также явились лишь следствием витающей в обществе идеи коммунизма, но сами по себе они никак не могли быть первоисточником идеи обустройства общества на гуманистических основаниях.

Пора бы уже уяснить достаточно простую идею, что человек изначально выделился из природы именно как социальное (общественное) существо только потому, что стал воспроизводить условия своего существования и саму жизнь неприродным, а культурным способом. И этот способ для всех и всегда был единым – преобразование предметов природы в предметы культуры. Вопрос чем предмет природы отличается от предмета культуры, очень важен, но оставим его пока в стороне. Сейчас важнее понять, почему способы преобразования предметов природы в предметы культуры едины и общи для всех, а способности (по присвоению этих способов преобразования), которые возникают при этом у каждого, различны? Ведь именно разница в способностях и порождает фактическое и, как следствие, юридическое неравенство между людьми, следовательно, она-то и лежит в основании и самих форм собственности, их различия между собой. И взваливать вину на Природу, что она-де кого-то наделила, а кого-то обделила способностями осуществлять ту или иную человеческую (по сути, трудовую) деятельность, неправомерно, поскольку природе не ведомы неприродные способы организации жизни, а потому ответственность за эти способы и последствия, которые возникают в результате их использования, лежит исключительно на человеке. И чем разнообразнее формы деятельности (формы труда), тем больше пропасть не столько между различными способностями, сколько в присвоении результатов деятельности, созданных благодаря этим способностям.

Бурное развитие капиталистического способа производства, основанного на применении пара и электричества, в массовом порядке освободило многих собственников (крестьян, прежде всего, и мелких кустарей и ремесленников) от их собственности на орудия и средства производства, в результате чего в обществе неизбежно восторжествовал принцип «голь на выдумку хитра». Так что самый массовый отъем собственности осуществили и до сих пор осуществляют не коммунисты, а сама буржуазия, разоряя все больше и больше мелких и средних собственников средств производства.

Попробуем разобраться в этих, на первый взгляд, будто бы несложных предпосылках расширения пропасти между различными способностями (формами собственности).

В разделе Манифеста «Буржуа и пролетарий» дается своего рода характерные особенности пролетариата, которые отличают его от остальных социальных групп и классов: «У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность». Но понятие «частная собственность» тождественно понятию «разделение труда», на что Маркс неоднократно указывал в своих работах. «Разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности». Но всякой ли деятельности и всякого ли продукта?

О каком разделении труда идет речь? О разделении его на умственный и физический труд. Что это означает? Только одно, что предметная деятельность не существует как единый и целостный процесс для каждого агента труда. Цитируя высказывание Д. Уркарта, которым он точно охарактеризовал пагубность разделения труда, К. Маркс в первом томе Капитала пишет «Рассечение человека называется казнью, если он заслужил смертный приговор, убийством, если он его не заслужил. Рассечение труда есть убийство народа». Если политик сознательно допускает частную собственность на средство производства, он должен понимать, что этим самым он ратует за сохранение низкого уровня технологии в промышленности, т.е. он ратует за сохранение монотонного физического труда, сохранение которого, в свою очередь, с железной необходимостью порождает частный капитал, т.е. частное присвоение чужого труда. Если в недавнем прошлом ему это можно было простить и понять, то уже сегодня такого политика можно смело зачислять в махрового преступника против истории, против своего народа.

Проще говоря, труд не является целостной функцией для каждого человека, он разорван, следовательно, не целостны (разорваны) и агенты труда. Чтобы было понятно, о чем идет речь, достаточно это изобразить простой схемой – голова одного человека руководит руками другого человека. Один понимает, что, в конечном счете, необходимо сделать, но не может это осуществить в силу каких-либо объективных обстоятельств, другой может воплотить в реальность какую-то часть этого дела, но не понимает, как между собой связаны остальные узлы производственного процесса. И чем технологически процесс производства сложнее и масштабнее, тем больше разрыв между умственным охватом всех его звеньев и практическим воплощением каждого этапа производства посредством выполнения чисто механических действий.

Технологические процессы в эпоху становления машинного способа производства и в современном производстве по степени сложности отличаются друг от друга на несколько порядков. Следовательно, к современному оборудованию допускать неграмотного рабочего, как говорится, себе дороже. Поэтому рабочего капиталист просто вынужден образовывать, но только в тех пределах, в каких требует существующий уровень сложности пользования техникой.

И если верно, а это абсолютно верно, что всю совокупность рабочей силы в системе общественного способа материального производства можно определить как людей с их навыками и способностями к предметно-преобразующей деятельности, то *каждый квалифицированный рабочий становится собственником строго определенных способностей, трудовых навыков*. Если бы это было не так, то и действия осла, крутящего винт в скважине для поднятия воды наверх, и действия енота полоскуна, якобы стирающего ваш носовой платок, и т.п., можно было бы отнести к такой категории, как рабочая сила.

Вернемся к «цепям», посредством которых человек порабощается исключительно физическим принуждением к простейшим формам труда (рабовладение), и даже смешанными формами принуждения к труду, т.е. физическим и экономическим (феодализм, т.е. привязывание к земле). Такие цепи разбиваются уже на начальной стадии становления буржуазного способа производства самой буржуазией. Она провозглашает полную свободу для всех и каждого. Хочешь — работай, не хочешь — не работай, принуждать тебя никто не собирается. И выбор форм деятельности остается за каждым человеком. Но тысячу раз повторял и сейчас повторю — там, где выбор, там нет свободы. Если уж зашел в чужой монастырь под названием «капиталистическое производство», то должен подчиняться уставу, существующему в этом монастыре. Монастырь-то, т.е. средства производства, вошедшему в монастырь не принадлежит, а принадлежит он частному собственнику, владельцу! Вот между ним и квалифицированным (и даже не квалифицированным) рабочим происходит обмен. Частный собственник дает рабочему жизненное средство его труда (орудие производства), а рабочий отдает во власть владельца жизненных средств труда (средств производства) свою уникальную и порой неповторимую собственность в виде его индивидуальных навыков и способностей пользоваться и в определенной мере владеть средствами производства. Выходит, что на рынке обмениваются два частных собственника? Получается, что современный квалифицированный рабочий не так уж и гол, как сокол, каковым он был на первоначальных этапах развития капиталистического способа производства.

Следует лишь уточнить, а является ли способность осуществлять предметно-преобразующую деятельность собственностью. Если да, то, в каком смысле: в экономическом, юридическом, или вообще в чисто вещном варианте? Во-первых, такая способность может быть присуща только человеку и только в обществе, и поэтому вне интеллекта она функционировать не может. Но интеллект не подлежит стоимостной оценке по очень простой причине, при попытках его оценки нет и не могут быть найдены критерии для соотнесения его с любыми вещественными предметами, т.е. какими-либо товарами. Это все равно, что решать задачку, сколько весит красота, или сколько метров в способности разрешать противоречие. Но зато соотносить нечто вещественное можно лишь с результатами интеллектуальной деятельности. Результат интеллектуальной деятельности оценить можно, а вот саму интеллектуальную деятельность — нет. Выходит, что интеллект бесценен.

В таком случае, как быть со способностью предметного преобразования (превращения предметов природы в предметы культуры)? Все дело в том, что пока человек познает алгоритм функционирования сложного (или даже простого) орудия труда, он занимается интеллектуальной деятельностью. Но, познав его, присвоив его, и, наконец-то, став необходимой частью функции этого орудия, человек отчуждается в дальнейшей деятельности от творчества, т.е. от чисто человеческой формы деятельности. Он сам становится частью машины (орудия) и в этом качестве он и выступает на рынке обмена. Он их (навыки) через себя обменивает с другим собственником. Ну, а если нет навыков, тогда он просто продает своё физическое тело для простых форм деятельности, а то и просто для удовлетворения физиологических потребностей в интимных утехах. Иногда за последнее неплохо платят, и даже называют навыки по удовлетворению физиологических потребностей профессией. Притворства и кривляний здесь в избытке, а творчества, а значит и живой души, нет. Поэтому к такому «профессионалу» (не важно, в юбке он или в штанах) относятся брезгливо и не щадят после того, как удовлетворят свои естественные потребности (нередко и во время удовлетворения физиологических интимных потребностей проявляется цинизм, жестокость и т.п.).

Конкуренция между собственниками средств производства — это постоянное противостояние их между собой на рынке обмена конечными результатами производства. И противостоять конкурентам можно тем успешнее, чем за одну и ту же единицу времени можно быстрее и дешевле произвести аналогичный товар. И конкуренция неизбежно порождает потогонную (конвейерную) систему производства и совершенствование технологии в ней. Иерархическая лестница конкурирующих между собой на рынке труда рабочих тоже растет. Внизу дерутся за рабочие места те, кто не обладает какими-либо сложными навыками к трудовой деятельности, а если и обладают, то для них не существует необходимое количество рабочих мест для их поглощения.

Наверху иерархической лестницы рабочей силы воюет рабочая элита, для которой, как правило, также не хватает достаточного количества производственных мощностей. Но капитал, который и создает наемный труд, не может расширяться без постоянного роста на рынке этого самого наемного труда. Поэтому не прекращается конкуренция не только между собственниками средств производства, но и между различными слоями наемной рабочей силы. Конкуренция, как между собственниками средств производства (буржуазией), так и между различными слоями рабочей силы, неизбежно порождает и совершенствует технологию самой конкуренции в виде различного рода реклам в доступных информационных сетях. При потреблении готового продукта происходит вторичное ограбление рабочего, но уже в сфере навязанных и изуродованных (извращенных) форм потребления готового товара.

Присвоение методов управления конкуренцией, равно как и технологически сложных форм предметной деятельности, совершенствовало профессионализм, а значит и односторонность (узость) мировоззрения владельцев этих методов. Недостигаемость профилированных деятельностных способностей, взметнувшихся узким лучом в бездну непонимания целого, все больше толкает человечество в пропасть виртуальной реальности. Виртуальная реальность болотной жижей втягивает разум человека в мир иллюзий. Шестой технологический уклад,

известный благодаря такому термину, как «нано», является родным дитятей капиталистического способа производства, хотя и нежеланным для него.

«Нано» — это клеточные технологии, характеризующиеся резким снижением энергоёмкости и материалоёмкости производства, а также конструированием материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Такие технологии неизбежно толкают «акушера», коим является государство, вытащить из чрева капиталистического способа производства такого дитя, на которого с самого рождения не надо будет тратиться, и который с самого рождения начнет заботиться о своих родителях, дедушках и бабушках. Родителями этого дитя является интеллектуальная элита общества, а дедушками и бабушками, и прочими родственниками, являются обыватели, во главе которых стоят крестные отцы и черти какие матери, т.е. финансово-олигархические упыри (нелюди).

Но что это за такое чудесное дитя, которое своим рождением затмит всех ранее воображаемых богов и полубогов? Кстати, имя у него уже есть – это «искусственный интеллект». Вот вам и здарсьте, человечество до сих пор в туманных догадках, что есть такое «естественный интеллект», а шустрые интеллектуалы (а если сказать точнее, то просто высококвалифицированные узко профильные технари) уже в поте лица трудятся над созданием «искусственного интеллекта». И они ничего не хотят слышать о том, что естественный интеллект проявляет всю свою мощь только там и только тогда, когда все человечество, как, впрочем, и отдельная творческая личность, пытается разрешить то или иное противоречие. Вне необходимости разрешать противоречие интеллект без надобности. Но какой бы совершенной и сложной не воображали и даже не создавали бы машину, для неё извне всегда будут заданы схемы её функционирования. И эти схемы сегодня настолько сложны, что их создатели сами запутались и всё больше со страхом смотрят даже на ближайшие перспективы по совершенствованию своих роботов. Алхимики по созданию искусственного интеллекта никак не могут понять, что его создать невозможно в принципе. Почему принципиально невозможно создать искусственный интеллект, считаю, что вполне достаточно будет просмотреть материал по этой [ссылке](#).

Но в двух словах можно сказать следующее – машина не знает противоречия и не может функционировать при его наличии. Любая, даже самая совершенная машина, всегда замкнута исключительно на свои собственные схемы и алгоритмы. И чем она сложнее, тем больше возникает иллюзия, что она еще и умнее своих создателей. Но в противоречиях окончательно запутались лишь создатели пресловутого искусственного интеллекта. И их запутанное мышление для человечества не менее опасно, чем необузданные аппетиты носителей частных интересов.

А если учесть, что «Капитализм – это и есть производство ради производства, и есть грандиозная машина, превратившаяся в самоцель, а человека превратившая в средство, в сырье производства и воспроизводства своего ненасытного организма. Эта грандиозная машина, состоящая из миллионов частичных машин, вышла из-под контроля человеческого разума и воли, она стала умнее и могущественней, чем любой отдельный человеческий индивидуум, играющий в ней незавидную роль винтика». (А.С. Арсеньев, Э.В. Ильенков, В.В. Давыдов. «Машина и человек, кибернетика и философия» в сборнике «Ленинская теория отражения и современная наука». М., 1966, с. 277-278.)

Но винтик-то – это все же, человеческий индивид, следовательно, он всегда будет стоять в позе буриданова осла. С одной стороны, его постоянно будет манить ничегонеделанье, но с большим доходом, с другой стороны, в нём всегда будет присутствовать желание заниматься творческой деятельностью, пусть даже и с малым доходом, а то и вообще без него. Творить — это прерогатива человека, его крест, а не бога.

Почему будет преследовать творчество? Да только потому, что творчество и свобода – это синонимы друг друга. Кто же не мечтает о свободе, пусть даже и понимаемой, как скроенная под свою индивидуальность жизнь. И совсем неважно, что на самом деле свобода – это осознанная необходимость, т.е. не только строгое следование законам и природы и общества, но и их познание и формулирование. А чтобы осознать необходимость, её нужно не только познать, но еще и принять, а приняв — изменить. Ведь человек является таким существом, которое только тогда и может познавать, когда он постоянно изменяет окружающую его действительность. А когда он начнет изменять, то обязательно столкнется с такими же индивидами, как и он сам, т.е. с пытающимися обустроить все вокруг под свою индивидуальность. Ему придется с кем-то объединяться, постоянно под кого-то и что-то подстраивать или подстраиваться самому, утрачивая день за днем иллюзии о понимаемой им свободе изолированного от общества индивида. В итоге он окажется в той социальной нише, которая соответствует его особенностям (ограниченным способностям).

Теоретически подготовленный читатель обязательно скажет, что человек только тем и занимается, что постоянно изменяет окружающую его среду обитания, и нет ничего плохого, что он стремится рано или поздно окончательно переложить бремя изменений на саму природу. Для этого ему понадобится искусственный интеллект. Да в том-то и дело, что ему понадобится не мифический искусственный интеллект, а коллективный интеллект развитого общества.

Но полагать, что власть имущих успокоится и не будет спонсировать создание искусственного интеллекта, значит заблуждаться по поводу сущности этой власти. И вот почему.

Труд в его отчужденных формах также является синонимом частной собственности. И события последнего столетия показывают, что в развитых странах люди все больше отказываются от отчужденных форм труда, т.е. от любых форм физического (нетворческого) труда, перекладывая его на плечи представителей тех стран, в которых

уровень социальной организации общества и технологии производства материальных и духовных благ существенно отстают от развитых стран Запада (в не географическом смысле этого слова). Запад все больше втягивает в орбиту своих экономических, а значит и политических, интересов отсталые страны. И этот процесс называется глобализацией. Он не искусственно выдуман, а объективно обусловлен экономическими и политическими интересами большинства граждан Западных стран.

Частный интерес и частный капитал обеспечивается единственным способом – присвоением собственником средств производства прибавочного продукта, проще говоря, присвоением того, что собственник не доплатил рабочему. Все остальные формы присвоения вне производства: кража, грабеж, разбой, мошеннические действия и т.п. – это уже последующие способы отъема и перераспределения отнятого у рабочего собственником средств производства. Присвоение прибавочной стоимости, прибавочного продукта и есть проявление того, что называется эксплуатацией человека человеком. Создавая пресловутый «искусственный интеллект», крупный капитал лишь надеется, что с его помощью он сможет более эффективно координировать свои действия по управлению обществом посредством манипулирования ложными информационными потоками и ложными ценностями и, тем самым, эффективнее осуществлять грабеж.

Вроде бы это всем известно, а потому многие считают, что за пределами существующего способа ведения хозяйственной деятельности, основанного на товарном производстве, других форм организации общественного производства вроде бы как и не существует. А имевшие попытки обобществить средства производства, по мнению большинства людей стран, где это обобществление имело место быть, себя во многом дискредитировали.

Но вернемся к тому реальному положению вещей, когда Марксом не без основания доказывалось, что новое всегда зарождается в недрах старого. И дело даже не в том, что крупная буржуазия чаще и в большей мере, чем какой-либо другой социальный слой общества, отнимает частную собственность, укрупняя производство и, тем самым, придавая ему все больше общественный характер. Дело в том, что она же в большей степени и уничтожает частную собственность в самом её зародыше, и она это так делает, что этому процессу у неё могло бы поучиться подавляющее большинство тех, кто считает себя приверженцами коммунистической идеи.

В чем кроется секрет того факта, что буржуазия вынуждена рубить сук, на котором сама же и сидит? Что её вынуждает это делать? Ответ один – конкуренция на рынке сбыта произведенного товара. Буржуазия вынуждена даже законодательно сдерживать конкуренцию между собой, создавая антимонопольные законы. Но её вынуждает уничтожать частную собственность на корню еще и технологические новации. Ведь производство большего количества товаров за единицу времени можно осуществить при более высоком уровне технического обеспечения самих производственных процессов.

Ведь буржуазия всегда стремилась свести к минимуму количество рабочих, которым она вынуждена платить заработную плату. Свести к минимуму, не значит вовсе изъять рабочего из производства. Откуда же тогда возьмется прибавочная стоимость, прибавочный продукт? В конце концов, не станку же недоплачивать. Марксу констатировать факт, что «призрак бродит по Европе – призрак коммунизма», позволило не только появление паровой машины, которая многократно усилила мышцу человека, но и ряд других технологических изобретений, произошедших в период его теоретической деятельности. Именно они позволили ему сделать вывод о неизбежном уничтожении, в конечном счете, субъективного фактора на производстве, т.е. когда возможность «производить машины с помощью машин» стала очевидной реальностью уже на стадии раннего развития промышленного производства. Именно Маркс увидел, на примере такого изобретения, как суппорт, что процесс высвобождения человека от механических повторений в производственном процессе уже не остановить. Как точно пишет об открытии суппорта С.Ю. Курганов, «орудие перестает быть продолжением моей руки, отделяется от меня, перестает быть только моим у-мени-ем (умение — это то, что есть у меня). Человек становится внутренне свободным по отношению к орудиям производства, может произвольно переходить от одного орудия к другому, оставаясь при этом самим собой».^[1]

Безотходное производство с замкнутыми технологическими циклами может автономно функционировать без участия в них человека именно как необходимого технологического звена в производственном процессе. Здесь в принципе невозможна эксплуатация, так как в таком производстве будет отсутствовать физический (монотонный, алгоритмизированный) труд человека, что, по сути, и является частной собственностью, являющейся основной причиной одностороннего (усеченного) развития человека. Следовательно, станет невозможна прибавочная стоимость, так как недоплатить можно только «живой рабочей мышце» т.е. рабочему, а его-то участие в производстве не будет предусмотрено технологически.

С чем столкнулись собственники предприятий в развитых странах, где такие предприятия уже существуют, и, в частности, в Японии? В замкнутых технологических производствах переналадка роботизированных конвейеров роботами оказалась более дорогостоящим процессом, чем переналадка производства силами самих рабочих. И японские владельцы указанных производственных комплексов вынуждены были вернуть эту самую живую рабочую силу («мышцу») на производство. И этим самым обозначили предел для дальнейшего развития науки и образования, преодолеть который рыночная экономика, основанная на товарном производстве, не в состоянии. Поэтому она сегодня стала главной причиной застоя в науке, посредством которой еще вчера можно, и даже

необходимо, было освободить человечество от зависимости слепой необходимости, сделав науку главной производительной силой.

Таким образом, надвигающийся более высокий уровень организации производства, предполагает кардинальные изменения, прежде всего, в системе самих отношений собственности и власти, которые существуют сегодня в развитых странах. И проблема здесь совсем даже не в отсутствии «разнообразия и индивидуального выбора в образовании»,^[2] как полагают специалисты в области образования в Японии, а в том, что выбора в данном случае не должно быть в принципе. Выбор в образовании будет лишь очередной попыткой усовершенствования существующей системы специализации, сродни когда-то введенной смене деятельности на производстве, где существует конвейер. Также не могут существенно решить проблему преобразования всей системы промышленности в единую технологическую фабрику по производству необходимых средств для жизнедеятельности общества, как единого исторического субъекта, и создание сети технополисов, наподобие «Силикон-Велли», Рут 128, Хамамацу, Сколково, жилые поселения Брандбю и т.п. Не могут технополисы решить указанную проблему не только потому, что они оторваны от реальных повседневных проблем жизни людей, и не являются составным элементом общественной инфраструктуры, как некоей целостной системы, а еще и потому, что им не даст развиваться сама рыночная (товарная) система производства и потребления, поскольку последняя основывается на частном интересе, как отдельных социальных групп, так и каждого индивида в отдельности.

В связи с высказанными выше мыслями можно констатировать, что автоматизированные системы управления (АСУ) безотходным замкнутым производством, находясь в частных руках, будут камнем преткновения в развитии более совершенных технологий. Более того, нахождение их в частных руках будет таить в себе опасность техногенных катастроф. Ведь ввести одновременно на всем пространстве даже одного государства замкнутые технологически безотходные производства с АСУ, будет невозможно. А в некоторых отраслях производства это вообще невозможно осуществить. Вот в этом случае и предполагается наличие власти в руках только тех, кто заинтересован поэтапно высвобождать себя и высвобождать на производстве других от монотонного физического труда, т.е. от самой сущности частной собственности.

Кто, кроме рабочего в этом кровно заинтересован? Никто! Поэтому когда говорят о плановой экономике, то речь должна идти не о примитивном планировании выпуска определенного количества того или иного товара народного потребления, а о планировании поэтапного уничтожения производств, в которых сохраняется физический труд. И, поскольку процент рабочих на предприятиях будет существенно уменьшаться, то именно рабочий будет заинтересован создавать и контролировать в обществе образовательные стандарты, ничего общего не имеющих с нынешними буржуазными образовательными стандартами.

Даже в Японии с этой проблемой столкнулись предприятия, связанные с высокими технологиями. Казалось бы, что предел индустриального развития общества достигнут, осталось только формировать разумные потребности и удовлетворять их. Но технологически любое производство не стоит на месте и постоянно требует модернизации. А модернизация при современных темпах развития требует создания гибкой кадровой структуры, способной динамично меняться в соответствии с меняющимися требованиями в самом производстве. Полагать, что современное образование будет поспевать за динамикой производства, мягко говоря, сомнительно, а создание сети образовательных учреждений по переучиванию, повышению деловых качеств и навыков, вряд ли будут способствовать решению проблем.

Все кто проходил повышение квалификации, наверняка наблюдали одну и ту же картину, когда существующие специалисты в той или иной образовательной структуре, просто садятся на своего «конька» и начитывают слушателям то, что ими наработано («заезжено») за долгие годы и, чаще всего, их лекции не соответствуют темам, заявленных в плане повышения квалификации. Это еще один образец действия по штампу, выйти за пределы которого специалисту (профессионалу) крайне затруднительно, ибо он утратил творческие способности действовать всегда сообразно ситуации, поэтому он ситуацию подгоняет под готовые и наезженные им штампы. Достаточно знать логику государственного образовательного процесса, чтобы понять, что такая картина является закономерной для любой страны. «В неофициальных разговорах многие японские бизнесмены и служащие Министерства внешней торговли и промышленности (МВТП) – сторожевого пса японской промышленности – говорили, что они уже устали сражаться с Министерством образования (МО), которое жестко контролирует национальную систему образования. «МО настолько безнадежно устарело, — говорит один из них, — что мы стараемся игнорировать или обходить его». Это заявление поддерживается многими людьми, требующими реформы образования в Японии».^[3]

Организация власти рабочих может быть только коллективной, т.е. в виде Советов, но их Советов, а не всего населения. Это не означает, что остальное население будет стоять в стороне, оно, как раз таки будет постоянно привлекаться к решению задач, которые будут возникать по мере поэтапного уничтожения всех форм отчуждения, которые неизбежно будут в той или иной степени функционировать в социалистическом обществе на первых этапах его развития. И в этом деле без диктатуры не обойтись. По большому счету, общество, тем более развитое, не может развиваться без диктата, в основе которого должна быть не воля личности, а логика диалектического развития общества, объективная логика самого дела, его сущности. И пока рабочие не осознают

свой интерес и свою миссию, которые заключаются именно в том, что только они могут объективно уничтожить все формы отчуждения, начиная это уничтожение с самих, то полагать, что это за них сможет сделать какая-то другая социально-организованная группа, является большой наивностью. Вместо организации рабочих всегда будут возникать лишь экстремистские организации в виде националистов, антисемитов, боевых-экстремистских организаций и т.п. И даже армия не может взять на себя эту миссию, ибо она сама находится на иждивении рабочих, которые и платят государству налоги на содержание армии. Армия может лишь быть на стороне народа. И, кстати, самой армии не мешало бы разобраться в понятии народ. Как писал М. Лифшиц в своей работе «Нравственное значение Октябрьской революции», — «Народы создают великое сплочение революции, тогда как толпа, руководимая демагогами, его разлагает и губит. Движения, подобные фашизму, превращают народ в толпу; движения подобные Октябрьской революции, поднимают толпу до уровня народа». Если на предприятии и существует династия рабочих, то она должна, как сказал бы философ, снять себя в деятельности инженера. Пора понять, что самое совершенное производство, это производство без рабочих на нем, а само общество, как единый субъект истории, не может делиться на интеллигентов и не интеллигентов, а должно состоять из универсально образованных личностей, в конечном счете, совпадающих со всем населением страны. И когда на предприятии будет окончательно устранен субъективный фактор, то это предприятие полностью будет выпадать из процесса регулирования политэкономическими законами. Поэтому логика социалистического развития — это не развитие экономики, а её полное снятие (уничтожение). И этот парадокс (который является парадоксом лишь на первый взгляд) мало для кого становится предметом критического осмысления. И только та страна сможет стать мировым лидером и втягивать в орбиту обустройства общества на гуманистических началах все остальные страны, которая в основу своей политики поставит задачу не развития экономики, а её диалектического снятия (уничтожения). Россия взялась в деле развития экономики соперничать (и, якобы, сотрудничать) с Западом. Но это заведомо проигрышный для неё вариант «развития».

КОМЕНТАРИЙ

Часть словесного поноса я удалил.

Но вот это: "преобразование предметов природы в предметы культуры".

Замечательно, что в понятие культуры, наконец-то, в кои веки, философами, а не только археологами, включена и культура производства. Но далее:

"именно разница в способностях и порождает фактическое и, как следствие, юридическое неравенство между людьми, следовательно, она-то и лежит в основании и самих форм собственности".

Это неверно. И при коммунизме, когда не будет частной собственности, люди будут отличаться по своим способностям, в т.ч. по способностям преобразовывать предметы природы в предметы культуры.

Энгельс подчеркивает, что буржуазные идеологи подменяют предмет суждения, вместо классового неравенства подсовывают неравенство вообще, когда речь идет о ликвидации исключительно классового неравенства.

А деление общества на классы, различающиеся в т.ч. юридически в системе отношений собственности, происходит не из-за разницы в способностях (как в этом убеждал Гегель, а ныне Фукуяма, расисты и пр.), а вследствие общественного разделения труда.

И ниже - прямая ссылка на Маркса, который указывает, что частная собственность и разделение труда тождественны.

И вот дальше возникает "но":

"О каком разделении труда идет речь? О разделении его на умственный и физический труд. Что это означает? Только одно, что предметная деятельность не существует как единый и целостный процесс для каждого агента труда".

Стало быть, заводское производство, где вместе с рабочими участвуют инженеры, конструкторы, технологи - это не единый и не целостный процесс. Спасибо!

Ниже - еще хуже:

"... труд не является целостной функцией для каждого человека, он разорван, следовательно, не целостны (разорваны) и агенты труда. Чтобы было понятно, о чем идет речь, достаточно это изобразить простой схемой — голова одного человека руководит руками другого человека".

Я много писал об узурпации управления экономикой узким социальным слоем капиталистов. Но в разделении труда есть путаница.

От разделения труда на труд биолога и труд химика целостность процесса производства вакцины не нарушается. И невозможно одному рабочему построить дом или соорудить пароход. Нельзя выбросить из общественного разделения труда его пользу, и Ленин пишет, что ТАКОЕ разделение труда будет всегда и будет усиливаться.

Далее.

"Выходит, что на рынке обмениваются два частных собственника? Получается, что современный квалифицированный рабочий не так уж и гол, как сокол, каковым он был на первоначальных этапах развития капиталистического способа производства..."

Это старая, еще 80-х годов, мифологема, которую вбрасывали и продолжают вбрасывать в неокрепшие российские умы либеральные пропагандисты. Дескать, рабочий и буржуа выступают как равноправные партнеры, у одного - средства производства, у другого - рабочие руки, той или иной степени квалификации, вот они и совершают сделку купли-продажи. Вот суть пропаганды т.н. социального партнерства.

Энгельс указывает на неравноправие буржуа и рабочего в этой сделке, буржуа имеет капитал и потому у него есть возможность устроить локаут. Не рабочий совершает сделку, а буржуа ему навязывает цену рабочей силы. Если же рабочий недоволен, он организует профсоюз. И получает удар сапогом полицейского по физиономии.

С другой стороны, квалифицированные рабочие были и на первоначальных этапах развития капиталистического способа производства, начиная с цехов (лоджей, лож). Однако зависимость буржуа от квалифицированного рабочего всё же есть. И буржуа на протяжении всей истории капитализма избавляется от "золотых рук", заменяя их машиной.

Переходим к сути:

"... интеллект не подлежит стоимостной оценке по очень простой причине, при попытках его оценки нет и не могут быть найдены критерии для соотнесения его с любыми вещественными предметами, т.е. какими-либо товарами. Это все равно, что решать задачку, сколько весит красота, или сколько метров в способности разрешать противоречие. Но зато соотносить нечто вещественное можно лишь с результатами интеллектуальной деятельности. Результат интеллектуальной деятельности оценить можно, а вот саму интеллектуальную деятельность – нет. Выходит, что интеллект бесценен".

Здесь с маху рабочего лишили интеллекта, а процесс его труда - участия интеллекта рабочего в процессе производства. Ну, поскольку речь идет о работниках умственного труда, верно?

Во-вторых, интеллект оказывается волшебным образом не связанным с вещественными предметами, причем любыми! В том числе скульптуры, живопись, архитектура...

Красота - да, ничего не весит. Но и труд ничего не весит. Любой. Капитал оценивает две вещи: рабочую силу и продукт труда. Продукт труда оценивает рынок или цену навязывает монополия. Рабочую силу человека умственного труда оценить сложнее, поскольку умственный труд не измеряется часами рабочего времени я об этом подробно писал в статье 2001 года "Глобализация по-русски". Но, поскольку работник умственного труда обретается в капиталистическом способе производства, капитал оценивает его рабочую силу в плане возможностей ее восстановления. Потому в мире подавляющее большинство работников умственного труда отработывает СМЕНУ, в т.ч. ночную. Так что интеллигенции не стоит (по ее обыкновению) возводить себя в бесценный абсолют.

Далее:

"... человек познает алгоритм функционирования сложного (или даже простого) орудия труда, он занимается интеллектуальной деятельностью. Но, ... познав его, присвоив его, и, наконец-то, став необходимой частью функции этого орудия, человек отчуждается в дальнейшей деятельности от творчества, т.е. от чисто человеческой формы деятельности. Он сам становится частью машины (орудия)..."

Это неверно.

Отчуждение - общественное отношение, оно происходит при 1) изъятии продукта труда от производителя, 2) при узурпации планирования владельцем средств производства. Отчуждает и сам процесс производства, Маркс об этом пишет в "Экономическо-философских рукописях 1844 г."

Художник (см. "Глобализация по-русски"), "познав и присвоив", не становится "частью орудия", он лишь порой становится отчужден от своих творений.

Мелкие уточнения:

- «Нано» — это клеточные технологии, характеризующиеся резким снижением энергоёмкости и материалоёмкости производства, а также конструированием материалов и организмов с заранее заданными свойствами... невозможно создать искусственный интеллект..."

Во-первых, это отнюдь не снижение энергозатрат. Во-вторых, к "конструированию" организмов нанотехнологии не имеют отношения. В-третьих, конструированием материалов и организмов с заданными свойствами занималась ВСЯ наука задолго до изобретения и нанотехнологий, и до капитализма и даже до рабовладения.

Нанотехнологии - это, например, долгое присаживание лазером одного атома к другому, т.к. процесс существенно неравновесный, возникают материалы с особыми свойствами.

Неравновесность возникает от того, что число участвующих частиц мало настолько, что невозможно ввести такую физическую величину, как температура. Это и есть суть "нано", а вовсе не "очень маленький".

- Да, есть такие сумасшедшие, особенно среди физиков, которые считают, что можно создать думающую машину. Но искусственный интеллект - это отрасль в компьютерной технике, ничего страшного в ней нет.

- Еще: человека "постоянно будет манить ничегонеделанье". Это неверно уже на уровне рабочего. Так, когда Медведев закрыл производство комбайнов в Красноярске, и потому на Пермском моторостроительном закрылся 11-й металлургический и рабочих уволили, один рабочий, занятый индивидуальной ковкой, через неделю умер. От отсутствия привычной работы.

- Еще: "... свобода – это осознанная необходимость, т.е. не только строгое следование законам и природы и общества, но и их познание и формулирование... необходимость, её нужно не только познать, но еще и принять, а приняв - изменить..." Честно говоря, я еще не видел, чтобы кто-либо, познав, сформулировав и приняв законы физики (необходимость) их изменил. Ну, тут долгий разговор - от Аристотеля, Канта, Ньютона и Маркса до Бора и...

- Еще: "... Буржуазия вынуждена даже законодательно сдерживать конкуренцию между собой, создавая антимонопольные законы".

Во-первых, антимонопольный закон - это как раз развитие, а не сдерживание конкуренции, устранение картельного сговора и т.п. Но, увы, как выяснили американские консьюмеристы еще в начале 90-х, антимонопольное законодательство в США не действует. Оно не действует и в России, и в Китае, и в Германии.

Еще: по поводу полностью автоматизированных заводов, где якобы невозможна прибавочная стоимость.

Во-первых, необходимо производство комплектующих для этих заводов. Во-вторых, эти заводы - лишь часть общего производства, они сами - средства производства. Напр., на каждом заводе есть инструментальные цеха, и никому не придет в голову сказать, что рабочие этих цехов не приносят прибыль, хотя продукты их труда, как правило, не появляются на рынке вообще, а используются внутри завода. То есть, в-третьих: капиталист получает прибыль с прошлого труда рабочих.

Что до большей цене таких заводов в сравнении с живой рабочей силой - это не первый пример, довольно часто новые технологии оказываются более дороги, чем рабочие. Но капитализм сам преодолевает эти трудности, так, в 80-е 1 доллар, вложенный в дорогостоящие фундаментальные исследования, не дающие сиюминутной прибыли, в дальнейшем в среднем приносил 10 долл. прибыли в год, тогда как доллар, вложенный в прикладные исследования, приносил лишь 4 долл. в год.

Далее же следует ничем не подтвержденное утверждение, что полностью автоматизированные заводы тормозят развитие более совершенных технологий.

Но это что за чушь? «... буржуазия всегда стремилась свести к минимуму количество рабочих, которым она вынуждена платить заработную плату». До свиданья, расширенное производство!

Чем больше рабочих, тем больше прибыли они приносят. Королев идиот!

Наконец, следует утверждение:

"... речь должна идти о... планировании поэтапного уничтожения производств, в которых сохраняется физический труд".

Что ж, Гайдар с Чубайсом только этим и занимались. Хорошо стало?

Разумеется, речь должна идти не об уничтожении, а о создании более технологичных производств с меньше долей монотонного труда, см. статью "Глобализация по-русски".

И уж, разумеется, не сама буржуазия, не сама автоматизация и роботизация приведут общество к коммунизму, как, увы, полагают многие.

Казалось бы, все недостатки текста перевешивает понимание необходимости власти рабочих, именно рабочих и именно в форме Советов. Понимание, что в избавлении от рабочего труда заинтересован ТОЛЬКО рабочий класс. В этом полное совпадение с позицией российского политобъединения "Рабочий".

И, как говорит Игорь Прокопенко "остается только добавить"?

Остается дополнить, что Ленин разъяснял: диктатура пролетариата выражается в форме Советской власти, форме, найденной самими рабочими. То есть: бессмысленно сверху насаждать Советы по чей-либо интеллигентской программе, Советы 1905 года возникли снизу, по программам самих рабочих.

Во-вторых Ленин разъяснял, что диктатура пролетариата - это не только и не столько подавление одного класса другим, это такой уровень развития производительных сил, когда рабочий класс (класс, а не его отдельные представители!) способен взять в руки управление экономикой всей страны.

Оказалось – увы, Королев подвержен той же самой болезни, что и все нынешние философы – паранойе, в связи с чем он в принципе не способен адекватно реагировать на критику. Такой же параноик – безграмотный Сулакшин, и... да имя им – легион!

Вот письмо Королева:

«Прочитал Ваши замечания... Мне кажется, что Вы не совсем уловили суть того, с чем пробиваюсь к сознанию людей. Вхожу в совет философского общества "Диалектика и культура", но и там считанные единицы поняли мою мысль. Она действительно имеет громадное значение в деле переустройства общества, также как и для понимания рабочими своей исторической миссии. С уважением, В.К.»

То есть: ни на одно замечание не соизволил ответить, и в виду бессилия, отписал, что, дескать, Ихлов «не уловил». Чего? Его величия.

Попросил его ответить поконкретнее, но он не удосужился.

Мало того, что Королев без всяких на то оснований считает себя гениальной личностью, он еще всерьез полагает, что не Маркс, Энгельс и Ленин обосновали историческую миссию рабочего класса, а он, Королев. В силу полуобразованности он не понимает, что изобрел велосипед. Порой 150-летней, порой тридцатилетней давности. Именно в это я его ткнул носом. И марксизм у него «просачивается» благодаря усилиям именно его, Королева! Нет у Королева и четкого понимания, что в СССР был государственный капитализм. То он расплывчато пишет о функционировании института частной собственности в СССР, и тут же пишет о реставрации капитализма. Королев не ведает, откуда возьмется его общество «универсально образованных личностей», хотя я ему и дал ссылку на статью «Глобализация по-русски». Там как раз объясняется, что есть предел дроблению труда, капитализм все больше требует рабочего с высшим образованием. Что не уничтожение экономики, а, наоборот, только ее развитие может потребовать рабочего с высшим образованием на уровне всеобщего. Что угнетает не только эксплуатация в виде изъятия прибавочной стоимости, угнетает сам труд. И осознание этого должно вызреть в рабочем классе опять же на уровне всеобщего. Это предстоит осознать рабочим, а не утвердиться в величии своей миссии, как этого хочет Королев.

Нет осознания у Королева и текущего момента, как политического, так и экономического. Не собирается российская буржуазия делать из России мирового лидера. Она даже не способна вернуть в состав России Донбасс. И не надо ей Королева, она и без него успешно закрывает заводы.

Что творится с людьми, как только они получают ученую степень. Тут же теряется способность думать и адекватно себя оценивать. Например, Слава Волков. Только стал доцентом – его статьи стали бессвязны и полны чепухи. Если раньше у него был завих на коммунах, которые якобы сами по себе, но с 3D принтерами, помимо всего мира, установят коммунизм, ныне он вставляет всякие околонучные словечки, нелепые и бессмысленные.

Но дело хуже. Королев полагает, что его статейки, в которых нет ровным счетом ничего нового в сравнении с классиками, имеют «громадное значение для переустройства общества». Т.е. он выступает как заштатных либерально-сталинистский программист, чья программа сулит – даже не понимание, что делать в революцию и после – а просто «переустройство». Он не в состоянии осилить материалистический тезис Ленина, что практика выше теории, тезис Маркса, что каждый практический шаг – дороже дюжины программ, тезис Маркса и Ленина, что социализм – это не программы господ королевых, а «живое творчество масс».

22.6.2019